

Запрет дарения между коммерческими организациями и прощение долга: проблема соотношения

Одна из наиболее важных практических проблем, связанных с прощением долга, вытекает из запрещения дарения в отношениях между коммерческими организациями (п. 4 ст. 575 ГК). Этот запрет делает невозможным списание даже самых безнадежных долгов, ухудшая и без того нелегкое финансовое положение многих российских предпринимателей, поскольку налоговые органы рассматривают прощение долга именно как разновидность договора дарения.

Но в этом случае представляется, что одновременное существование в законодательстве норм о прощении долга (не включаемого в состав предмета дарения) и запрете дарения является нелогичным. Закон не возражает против получения подарков коммерческими организациями от лиц, не являющихся коммерческими организациями. С другой стороны, он не препятствует и совершению дарения от имени коммерческих организаций лицам, не являющимся коммерческими организациями. Предприниматели без образования юридического лица также не подпадают под запрет дарения. Фискальный интерес, который как раз и породил этот запрет дарения, вмешивается в тонкую материю гражданско-правового регулирования, смешивая прощение долга и дарения. Но обоснованно ли?

Прощение долга в качестве одного из способов прекращения обязательств всегда признавалось советской и российской правовой доктриной, а также и судебной практикой, хотя и не было прямо закреплено законом. С принятием первой части гражданского кодекса РФ прощение долга впервые оказалось прямо предусмотрено законодательством (ст.415 ГК). Это нововведение породило и до сих пор порождает ряд непростых вопросов, приобретших особую актуальность после принятия второй части ГК, где претерпело существенные изменения правовое регулирование отношений, возникающих в связи с заключением договора дарения. Изменения коснулись и самого понятия такого договора.

В соответствии с п.1 ст.572 ГК одним из видов дарения является безвозмездное освобождение одаряемого дарителем от имущественной обязанности перед собой. Из этого видно, что по своей конструкции этот вид дарения имеет значительное внешнее сходство с прощением долга, определяемым в ст.415 ГК как освобождение кредитором должника от лежащих на последнем обязанностей.

Огромное значение с точки зрения правоприменительной практики значение имеет вопрос о распространении на прощение долга тех ограничений и запретов, которые применяются в отношении договора дарения. Сегодня в отношениях между коммерческими организациями нередко практикуется прощение долга, в особенности частичное. Если бы во всех случаях прощение долга являлось одновременно и договором дарения, такие сделки следовало бы считать недействительными (ничтожными), а это, в свою очередь, повлекло бы негативные последствия (в частности, с точки зрения налогового законодательства). Например, ст.575 ГК запрещает дарение в отношениях между коммерческими организациями, вследствие чего неучет кредитором прощенных им долгов в составе своего баланса расценивался бы как занижение налогооблагаемой базы для целей исчисления налога из имущества, что влекло бы угрозу применения налоговых санкций.

В этой связи необходимо отличать дарение от прощения долга.

Далеко не всегда такие различия признают налоговые органы, чаще рассматривая прощение долга как разновидность дарения.

Но обратимся к действующему законодательству – есть ли что российскому предпринимателю противопоставить столь широкому толкованию норм гражданского законодательства фискальными органами?

Представляется, что есть основания считать прощение долга двусторонней сделкой, однако ст.415 ГК соглашение сторон прямо не указано в качестве основания прощения долга, что и обуславливает различия в толковании этой нормы.

Весьма распространено мнение о прощении долга как действии одностороннем, не предполагающем согласия другой стороны. Действительно, из содержания ст. 415 ГК напрямую не следует вывод о договорном характере этого способа прекращения обязательств. Но правильно ли такое буквальное толкование ст. 415 ГК? Думается, нет. Ведь если считать, что согласия должника на освобождение его от обязанности перед кредитором не требуется, то логично было бы и дарение конструировать как одностороннюю сделку, а не договор. Однако, законодатель, похоже, считает иначе. Можно привести множество аргументов в пользу того, почему должник должен иметь право согласиться или, напротив, отказаться от прощения ему долга, но главным из них является то, что обязательство, порожденное волей двух сторон, не должно прекращаться волеизъявлением одной из них. Возможность одностороннего изменения или прекращения обязательства всегда является исключением из общего правила и, чаще всего, выступает своеобразной санкцией за нарушение контрагентом своих обязанностей.

Необходимо учитывать, что прощение долга есть действие, совершаемое с целью прекращения обязательства. Следовательно, прощение долга охватывается понятием сделки и впредь необходимо руководствоваться общими положениями о сделках. Если встать на позицию сторонников прощения долга как односторонней сделки, при которой имеет значение лишь выражение воли кредитором, необходимо учесть требования ст. 155 ГК РФ. Указанная статья формулирует общий принцип, что односторонняя сделка создает обязанности лишь для лица, совершившего сделку. Для других лиц односторонняя сделка может создавать обязанности только в случаях, установленных законом либо соглашением с этими лицами. Следовательно, пределы действия односторонней сделки должны ограничиваться только обязанностями в отношении самого кредитора, чья воля направлена на прощение долга. Для того чтобы волеизъявление кредитора стало юридически значимым для должника необходимо соглашение с должником либо указание об этом в законе.

Однозначное решение вопроса – считать ли прощение долга двусторонней или односторонней сделкой - становится возможным в результате применения п.2 ст.154 ГК, где дается определение односторонней сделки. Односторонней считается сделка, для совершения которой в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны. Таким образом, чтобы одностороннее волеизъявление лица могло быть признано в качестве односторонней сделки, т.е. оказалось действием, способным породить правовой результат, необходимо наличие специального указания об этом в законе, ином правовом акте или соглашении сторон. В качестве примеров указаний такого рода в законе можно привести выдачу доверенности или составление завещания. В то же время в отношении договора дарения ни п.3 ст.154 ГК, ни п.1 ст.420 ГК подобного указания не содержат.

Это позволяет сделать вывод, что если норма закона, посвященная конкретному юридическому действию, совершение которого влечет возникновение, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей более чем у одного лица, не дает оснований достаточно определенно квалифицировать это действие в качестве односторонней сделки (именно такого рода ситуация возникающая с прощением долга, в результате чего у кредитора прекращается право требования, а у должника - корреспондирующая этому требованию обязанность), то такое действие следует считать дву- или многосторонней сделкой. Поэтому прощение долга должно квалифицироваться как двусторонняя сделка, в связи с чем для ее совершения необходимо достижение соглашения между кредитором и должником.

Перейдем к рассмотрению следующего вопроса - всегда ли прощение долга является одним из видов дарения и в связи с этим подвержено ограничениям, установленным в отношении дарения в ст.ст.575, 576 ГК. Прежде всего рассмотрим более подробно некоторые из этих ограничений.

Статья 575 ГК устанавливает перечень случаев, когда дарение не допускается, кроме так называемых "обычных подарков", т.е. Подарков, стоимость которых не превышает пяти установленных законом минимальных размеров оплаты труда (МРОТ).

Случай установленного в ст.575 запрета, в большей степени представляющего интерес в рамках настоящей статьи, - запрет на дарение "необычных" подарков в отношениях между коммерческими организациями - такими качествами не обладает. Попытка разумно обосновать его не приводит к успеху. Этот запрет касается не всех организаций, а лишь коммерческих, т.е. Таких, которые преследуют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (п.1 ст.50 ГК). Может быть, законодатель счел, что дарение, т.е. Безвозмездное отчуждение дарителем - коммерческой организацией своего имущества несовместимо с целью извлечения прибыли, и в общем случае это действительно так.

Но эта несовместимость имеет место независимо от личности одаряемого (физическое лицо, занимающееся и не занимающееся предпринимательской деятельностью, некоммерческая организация и т.п.). Почему же законодатель запрещает дарение лишь в случае, если одаряемым является коммерческая организация? Ведь безвозмездное получение коммерческой организацией имущества вполне соответствует целям извлечения прибыли и запрет на получение ею подарка не может быть обоснован несоответствием этого действия целям ее деятельности. Возможно, законодатель презюмирует, что дарение имущества между коммерческими организациями - это притворная сделка. Но почему он в таком случае не распространяет этот принцип на дарение, производимое коммерческой организацией кому бы то ни было, остается неясным. Кроме того, такая презумпция противоречила бы принципу презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений (п.3 ст.10 ГК). В целом, как представляется, ст.575 ГК в части запрещения дарения между коммерческими организациями налагает необоснованные ограничения на осуществление права собственности, в силу этого противоречит ст.35 и ч.3 ст.55 конституции РФ, а также ст.1 протокола 1 к европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и не подлежит применению (чч.1, 4 ст.15 конституции РФ).

Обратимся к вопросу о том, всегда ли прощение долга одновременно представляет собой и дарение. Первое, что следует отметить - в ст.415 ГК, в отличие от ст.572 ГК, нет указания на безвозмездный характер прощения долга. И действительно, освобождение кредитором должника от обязанности вовсе не всегда оказывается безвозмездным в точном смысле п.2 ст.423 ГК.

Изложенное не означает подмену правовой цели дарения ее мотивом, который не влияет на квалификацию сделки и ее действительность. В общем случае действия дарителя не обязательно должны быть основаны на чистом альтруизме. Передачу вещи или права нельзя считать безвозмездной, если само действие одаряемого (принятие дара) представляет для дарителя имущественный интерес.

Итак, проведенный анализ приводит к следующему выводу: прощение долга вовсе не обязательно является разновидностью дарения; дарение же в виде освобождения одаряемого от обязанности по отношению к дарителю всегда является одновременно и прощением долга. Поэтому последнее подвержено ограничениям, установленным для договора дарения, только тогда и постольку, когда и поскольку оно представляет собой дарение, а таковым оно может и не являться.

В случае спора о действительном характере прощения долга вопрос должен решаться в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела, позволяющих выяснить, на достижение каких правовых последствий была направлена воля кредитора. Если она была направлена на сохранение имущественной массы должника путем безвозмездного освобождения его от имущественной обязанности, то в этом случае прощение долга является дарением; при

отсутствии этих условий прощение долга не может быть признано дарением и в силу этого не подвержено ограничениям, установленным в ст.ст.575, 576 ГК.

Еще одна важная проблема связана с необходимостью отграничения прощения долга от договора дарения. Почему так важно проводить различие между этими юридическими категориями? Дело в том, что правовая природа этих институтов диаметрально противоположна: консенсуальный договор дарения порождает обязательство, тогда как прощение долга, напротив, обязательство прекращает. Прощение долга способно прекратить подавляющее большинство обязательств самого разного содержания (в том числе и обязательство из консенсуального договора дарения) и по этой причине относится к общей части ГК. С другой стороны, обещание дарения порождает вполне определенное обязательство безвозмездного характера (и только его) и, в связи с этим, тяготеет к особенной части кодекса. Дарение всегда безвозмездно, а главное – добровольно, и потому формально ничем не обусловлено, тогда как прощение долга в большинстве случаев является мерой вынужденной (т.е. Кредитор поставлен в такую ситуацию, когда прощение долга выгоднее, чем ожидание его погашения). Дарение, как правило, совершается в интересах одаряемого, а прощение долга - чаще всего в интересах самого кредитора.

Было бы хорошо, если законодатель четко разграничил прощение долга и дарение, наиболее удачным способом выведения прощения долга из-под "крыла" договора дарения было бы сужение предмета договора дарения, а именно: исключение из него действий по освобождению одаряемого от обязанности перед дарителем. Для этого достаточно исключить из текста п. 1 ст. 572 ГК слова: "...перед собой или..." , что приведет к четкому отделению прощения долга от договора дарения на законодательном уровне, как это существует в большинстве развитых стран с континентальной системой права.

В.Е. Молостова,

Генеральный директор

НП Центр современных юридических технологий «ПравоведЪ», юрист